

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Зиминова О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубеси Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция);
Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insntiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
(Saint Petersburg, Russia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ХРАНИТЕЛЬ КЛАДА («КЛАДОВОЙ») КАК МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.)

Рассматриваются представления населения уральского макрорегиона (Пермская, Оренбургская, Уфимская, Вятская губернии) о «кладовом» — духе «хозяине»/хранителе клада, отраженные в этнографических описаниях, заметках, исследованиях, этнографической беллетристике, материалах археологов досоветского времени. Анализ «кладового» проводился с опорой на схему описания мифологических персонажей Л.Н. Виноградовой. Интерес к подобным существам при исследовании русской мифологической традиции наметился с 1840-х гг. и привел к выделению их в самостоятельный мифологический персонаж. Для уральской региональной системы низшей мифологии изучение кладового весьма актуально, поскольку его образ связан с представлениями о горных духах и — ожидаемо — оказался лучше представлен по периферии горнозаводской зоны. Наиболее эффективный результат в создании этого персонажа получился к середине XIX в. в Малмыжском уезде Вятской губернии: там «хозяин»/сторож клада обзавелся мифонимом «кладовой» и внешним видом. В прочих ареалах его имя и облик были представлены фрагментарно, в отличие от свойственных ему весьма типизированных функций и способностей. Он был обязан обеспечить сохранность клада, проконтролировать исполнение заклатья, пугать, преследовать, изгонять кладоискателей. Духу помогали следующие способности: быть оборотнем (превратиться в невидимку или принять антропоморфную/зооморфную ипостась) и самому оборачивать, создавать иллюзорные образы (вплоть до бурелома, пожара), перемещать предметы (в любых направлениях) по воздуху, земле и в твердом грунте, вызывать стихии (ветер, вихрь) и стихийные бедствия (буря, землетрясение, пожар), насыпать болезни, калечить, убивать.

Ключевые слова: низшая демонология, мифологический персонаж, хранитель клада («кладовой»), уральский макрорегион.

Ссылка на публикацию: Голикова С.В. Хранитель клада («кладовой») как мифологический персонаж (по материалам уральской региональной традиции середины XIX – начала XX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 1. С. 144–154. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-72-1-15>

Введение

Рост интереса исследователей к изучению традиционной картины мира россиян позволяет надеяться на выделение из «широкого круга слабо индивидуализированных мифических существ» [Виноградова, 2000, с. 13] полноценных мифологических персонажей. Реальные шансы встать в один ряд с наиболее известными из них (такими как домовый и т.п.) имеет «кладовой», чья основная функция — быть «хозяином»/хранителем зарытого в землю богатства — клада. Такой статус (и собственное имя) он имеет в публикациях собирателей фольклора с середины XIX в. М.И. Осокин писал: «Нечистых духов, которые ближе прочих держатся к людям, ощутительным образом сообщаются с ними, являются на свет божий в человеческих образах, здешние крестьяне делят на четыре разряда: на домовых, водяных, леших и кладовых» [1856а, с. 9].

Для уральской региональной системы низшей мифологии изучение «кладового» приобретает особую актуальность, поскольку ее неотъемлемой частью являются представления о горных духах, генезис которых, по мнению ученых, непосредственно связан с хранителями и сторожами зарытых в землю сокровищ [Гельгард, 1961, с. 224; Левкиевская, 1999b, с. 155]. В.К. Соколова, напротив, считает, что эволюция воззрений шла обратным путем: «древние “хозяева” земных недр стали осмысляться как нечистая сила», охраняющая клады [1970, с. 188]. В обоих случаях связь между ними очевидна. Однако на этом историография останавливается: и тот, и другой разряд духов на Урале изучен недостаточно, обстоятельные исследования во всероссийском масштабе также не проводились. На наш взгляд, одним из предварительных этапов анализа взглядов на горных духов должна стать характеристика образа «кладового», которая и является целью данной статьи. Для этого будет использован один из представленных в научной литературе подходов к определению дореволюционных территориальных границ уральского макрорегиона: наряду с Пермской, Орен-

бургской и Уфимской он включает еще Вятскую губернию. Такое расширительное толкование (синонимичное термину «Большой Урал») позволяет учесть локальную и этническую специфику региона и представить панорамный обзор взглядов на исследуемый объект. Нижняя временная граница определяется началом собирательской деятельности в пределах исследуемого района, верхняя — концом досоветского периода, когда к происходившим модернизационным преобразованиям добавилась советизация сознания, усиливая разрушение традиционных устоев.

Историография вопроса

Кладам и кладоискательству отечественная фольклористика и этнография стала уделять внимание с 40-х гг. XIX в. Несмотря на то, что исследований, посвященных «хозяевам»/хранителям кладов, проводилось мало, накопленный на сегодня опыт в сборе и осмыслении кладоискательской тематики позволяет выделить духов «хозяев»/хранителей кладов в качестве отдельного объекта изучения, предварительно определяя их в источниках и научной литературе по функциям — защита и охранение кладов и по формам проявления этих функций. Уже в статье П.И. Якушкина упомянутая стерегущая их нечистая сила (в виде «солдата с ружьем») [1844, с. 31–32]. Журнал «Иллюстрация» опубликовал в 1846 г. очерк В.И. Даля «Клад» (вошедший впоследствии в его книгу «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа»), в котором хозяин клада, «по смерти своей, бродит тихо вокруг и бережет его строго и чутко»; аналогичную функцию выполняли черти — «пугая и терзая искателей» [1880, с. 125]. В том же году вышла сказка В.И. Даля «О кладе», в ней также говорилось о принадлежности клада нечистой силе: черти «поверяли клад, пересчитывали их, все ли живы-здоровы и целы» [Сочинения..., 1883, с. 293].

А.Н. Афанасьев во втором томе «Поэтических воззрений славян на природу» приписывал «охранение» кладов, кроме усопших владельцев и нечистой силы, колдунам, мертвецам (привидениям), «самой Смерти», а также «сказочным животным», особенно «огненным змеям (драконам)» [1868, с. 365, 372, 374]. Н.Я. Аристов в «Преданиях о кладах» хранителем спрятанных сокровищ объявил бесов, добавив к ним разбойника Степана Разина, который «ночью... по свету ходит, поклажи свои сторожит» [1867, с. 722]. М.М. Забылин в сочинении «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» сообщал, что этот атаман «казну закапывал» и много «всякого добра схоронил» [1880, с. 443]. С.В. Максимов в труде «Нечистая, неведомая и крестная сила» писал об «особых духах, которые охраняют зарытые в землю сокровища», приводя их имена и названия: «в южных окраинах Великороссии» это были «кладовики» с их подручными «кладенцами», на севере их называли «кладовыми», у белорусов имелся «маленький бог Копша», «в Севском уезде Орловской губернии главный дух по недоразумению носил имя Кудеяра» [1995, с. 373].

В советский период разработку данной тематики продолжали фольклористы, сосредоточившись на сборе быличек и преданий и классификации их мотивов и сюжетов. В.К. Соколова в статье «Предания о кладах и их связь с поверьями» (ставшей главой ее монографии) отметила, что «в роли распорядителей клада» разбойники «как бы заместили... древних “хозяев”» [1970, с. 188]. В предложенной Н.А. Криничной реконструкции ритуала захоронения клада фигурирует жертвоприношение, благодаря которому объект и получал «душу (духа)» [1991, с. 13]. По мнению ученого, этот рудимент язычества с нечистой силой связала христианизация, параллельно начавшая пополнять его символику своими смыслами [Криничная, 1977, с. 110–111]. Исследования Н.А. Криничной позволили А.А. Панченко найти общее у персонажей, зарывавших клад: они обладали «инобытийным», «внешним» статусом и «особой магической силой» [1998, с. 227].

В постсоветский период систематизация этнографических сведений в различных словарях и энциклопедиях не удостоила кладового отдельной рубрики. Лишь М.Н. Власова, составитель энциклопедического словаря «Русские суеверия», упомянула духа в названии пространной статьи «Клад, кладовой, кладовой бес, кладенец, кладовик». Зато на этом этапе изучения удалось наиболее полно перечислить всех тех, кто, по наблюдениям над общеславянскими верованиями, мог быть кладовым. Согласно М.Н. Власовой, к ним относились зарывшие клад «хозяева-покойники», убитые ими «заклятые люди», «умершие неестественной смертью, проклятые люди», «погибшие кладоискатели», «наделенные особыми свойствами пресмыкающиеся, животные». Правом владения кладами обладали «подземные или лесные “хозяева”, первопредки-первонасельники, легендарные разбойники-колдуны и злодеи-грешники... чужь белоглазая». Все они находятся «в беспрекословном подчинении» у нечистой силы, либо кладового «выбирают... из своей среды бесы» [Власова, 2000, с. 226–234]. Е.Е. Левкиевская, автор статьи о кладах в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», особыми демонами, охраняющими клад, наряду с нечистой силой считала легендарных разбойников, атаманов и королей, проклятых людей, заложных покойников, змей

[1999b, с. 500–502]. В словарной статье «Духи локусов» исследователь сообщает о «примыкании» к данному разряду духов у восточных славян «духов — охранителей кладов», однако с важным отличием — последние «осмысляются, скорее, как сторожа сокровищ, чем как их хозяева», и происходят из «жертвы, заколотой при сокрытии клада» [Левкиевская, 1999а, с. 155–157].

Непосредственно же духу-охраннику (симптоматично, что без какого-либо его наименования) в современной научной литературе посвящена статья Н.Е. Котельниковой «Кто охраняет клады?». Автор указывает на «взаимовлияние разновременных напластований, слившихся» в данном образе, которые появились в процессе его размывания и постепенного «смешения с образом нечистого», хотя подчеркивает в нем «черты самостоятельного мифологического персонажа», которого можно «поставить в один ряд» с такими из них, «как черт, леший и домовый» [Котельникова, 2009, с. 98–99, 103]. Чтобы при изучении этого сверхъестественного существа избежать отмеченной исследователем расплывчатости, среди уральских материалов отобраны такие, в которых этот персонаж исполнял исключительно функции «хозяина»/хранителя клада — сторожевые и охранные, и производная от них информация: каким образом дух их осуществляет и как при этом выглядит (с выборочным использованием предложенной Л.Н. Виноградовой схемы описания мифологических персонажей [2000, с. 60–67]). Смешанные варианты — черти, духи локусов и т.п., т.е. представители низшей демонологии, «ответственные» не только за спрятанные в земле ценности, а занимающиеся и чем-то другим, рассматриваться не будут.

Такие сведения явно присутствуют уже в очерке служившего на Южном Урале В.И. Даля. Хотя точная привязка к краю содержится только в его утверждении: «В восточных губерниях клады принадлежат Пугачеву...». Анкета РГО 1848 г. включала в себя отдельную рубрику «преданий о кладах», в которых упоминались их «хозяева»/хранители. Такая информация, например, содержалась в сделанной на основе данной анкеты публикации Т.И. Успенского о юго-западной части Шадринского уезда Пермской губернии [1859]. Благодаря инициативе РГО сведения о кладах (и связанных с ними духах) утвердились в этнографических описаниях населенных пунктов, о чем свидетельствует, например, публикация 1862 г. о городе Котельничке [Глушков, 1999].

Получил развитие в крае и беллетристический подход Якушкина-Даля. В середине XIX в. в журналах появляются публикации о кладоискательстве в Малмыжском уезде Вятской губернии [Осокин, 1856a, 1856b] и Уральском казачьем войске [Железнов, 1861], в которых собиратель беседует со знатоком местной традиции (во втором случае — с казаком Афанасием Дмитриевичем (Дмитричем) Барсуковым). Первый автор ввел в научный оборот областное обозначение духа-охранника кладов (совпадающего с данными С.В. Максимова по Русскому Северу). «Кладовой» здесь получил «особое от других видов имя», его в качестве «особенного разряда» духов воспринимали «наравне» с «хозяевами» дома, леса и вод. Он «играл немаловажную роль» в верованиях местных крестьян, наделивших этого «богатого беса» особенной же «служебной должностью, характером, странностями и причудами» [Осокин, 1856b, с. 179].

С 1860-х гг. инициатива сбора сведений по данной тематике от собирателей надолго переходит к археологам: Р.Г. Игнатьеву (Оренбургская, Уфимская губернии) [1868a, 1868b, 1868c], А.А. Спицыну (Вятская губерния) [1887], Н.Н. Новокрещенных (запад Пермской губернии) [1901]; их деятельность по поиску и раскопкам древних памятников местное население ассоциировало с кладоискательством. В 1880-е гг. местная этнография приступила к изучению «инородческих» верований о «хозяевах»/хранителях кладов. Г.Е. Верещагиным публикуется богатый материал об удмуртах Вятской губернии [1886]. Одновременно археологии ее Глазовского уезда и удмуртской мифологии были посвящены труды Н.Г. Первухина [Первухин, 1889, 1896; Корабейников, Чураков, 2015]. В компилятивной публикации В.Ф. Кудрявцева о Прикамье приводится ряд данных по изучаемой теме, в том числе сообщение М.С. Чемоданова о Котельничском уезде [Кудрявцев, 1900]. Собиратели XIX — начала XX в. не осуществляли целенаправленного сбора мифологических представлений о кладах (тем более об их «хозяевах»/хранителях), следовательно, упомянутые этнографические и фольклорные материалы не могут быть исчерпывающими. Они являются преимущественно русскими и дополняются удмуртскими, башкирскими и т.п. Тем не менее введение малоизвестных источников данных позволяет приступить к анализу региональных представлений об этом мифологическом персонаже.

Региональные представления о хранителе клада

В отличие от других сверхъестественных «хозяев», традиция четко указывала инициальный момент появления «кладового» — после произнесения над спрятанными ценностями заклятия/зарока. По данным М.Н. Власовой, этих существ обычно встречали в человеческом облике [2000, с. 230]. Жители Малмыжского уезда в середине XIX в. относили их к представителям мужско-

го пола, очень богато одетым: «...серебряный азиям; на ногах у него серебряные башмаки, а на голове литая из золота шапочка». Они могли оставаться невидимыми для кладоискателей, сначала просто наблюдая за их работой («стоит поодаль, только зубы скалит»), затем, к примеру, «начинали их дергать за кафтаны» [Осокин, 1856b, с. 179, 184, 187–188]. «Сделались невидимы» и «приставленные караулить клад» трое юношей, встреченные ночью на дороге вятскими сельчанами Пономаревым и Петуховым. Они, напротив, выглядели, как обыкновенные молодые люди. Необычными казались лишь «зажженные длинные и толстые свечки» в их руках [Кудрявцев, 1901, с. 249–250].

«Являться» хранители кладов могли и во сне. Так поступала чудская княгиня Анна, предания о которой Р.Г. Игнатьев услышал в 1860-х гг. от жителей села Таловского Челябинского уезда. Это единственный среди кладовых женский образ, имевший ярко выраженную специфику в выполнении сторожевых функций: Анна предъявляла кладоискателям свои претензии опосредованно — через их жен. Чудская княгиня им снилась и обещала покарать (если последует продолжение) не только «тронувшего» курган мужа, но и все семейство. Угроза оказывалась действенной, ибо превращала женщин в убежденных привержениц Анны [Игнатьев, 1868а, с. 3]. К сожалению, археолог общался с мужчинами, а не с их женами, которых защитница чудских кладов посетила во сне, и не смог получить описания княгини. Г.Е. Верещагин писал о вотяке из деревни Кыквы, которому сторож клада приснился в виде седого старика. Облик седовласого старца повторился в сообщении еще одного его информатора [Верещагин, 1886, с. 116, 126]. «Великанами в остроконечных колпаках» представляли духов, охранявших клады, башкиры Златоустовского уезда [Игнатьев, 1868с, с. 3]. Существовали с человеческой внешностью, но с телесной избыточностью — высокий рост, огромная сила — казались они вотякам Карсовайской волости, которые считали их легендарными «чучками» [Корабейников, Чураков, 2015, с. 208]. Марийцы Яранского уезда Вятской губернии вокруг кладоискателей на городище в двух верстах от с. Великопольского замечали появление «массы теней вотяков» [Спицын, 1887, с. 36]. «Хозяин»/охранник клада мог предстать перед людьми и мертвецом. По рассказам вотяков починка Локошур, в разрытой ими землянке обнаружилась бочка с сокровищами, которую караулил «мертвый разбойник» [Верещагин, 1886, с. 117].

Зооморфные образы мифологического персонажа подчеркивали его сторожевые функции: «стережет его пестрый бык», «стережет его волк» [Железнов, 1861, с. 17, 27]. Он мог предстать скалящим зубы «ужаснейшим» волком [Там же, с. 28], «страшенным» медведем [Кудрявцев, 1901, с. 251] или тем же медведем «ужасной величины» и пойти на людей «с разверстою пастью» [Осокин, 1856b, с. 184]. В Пыжкиной Луке Афанасия Дмитрича поджидал «пестрый бык», который «рогами поводит», мычал и рывкал [Железнов, 1861, с. 18–19]. На земский тракт в Вятской губернии (между станциями Кораблевской и Афанасьевской) выходил большой волк, которого местные жители считали богачом, караулившим свои сокровища, провалившиеся под землю на городище Ором [Первухин, 1896, с. 107]. Кладоискатель в Малмыжском уезде обнаружил, что «к нему ползет большущая змея и жало выставила, хочет ужалить его» [Осокин, 1856b, с. 185]. В логу около г. Котельнича, по слухам, клад охраняло такое же «семиглазое» пресмыкающееся [Глушков, 1999, с. 10]. В зооморфном виде дух — это хищник, либо разъяренный крупный зверь, либо хтоническое существо, образ и явное агрессивное поведение которого указывало кладоискателям на неизбежное предстоящее столкновение. Расплодившиеся вокруг и в самом чудском городище вблизи г. Уфы ужи и змеи считались верным признаком присутствия стерегущей здесь кладу «силы бесовской». Помещик Новиков напрасно пытался переселить на этот выморочный участок своих крепостных [Игнатьев, 1868b, с. 52].

Утверждение В.К. Соколовой: «...функция их всегда одна — не допустить к кладу» [1970, с. 193] — в отношении изучаемых мифологических персонажей требует некоторого дополнения, хотя бы потому, что охрана зарытых ценностей предполагала обеспечение на длительное время их материальной сохранности. В Малмыжском уезде решение этой проблемы перепоручалось духу: «...кладовые сообщают как футлярам, содержащим кладу, так и самимкладам способность не гнить, не ржаветь и не портиться до тех пор, пока какой-нибудь счастливцев не вынет их из земли» [Осокин, 1856b, с. 185]. Удивление Афанасия Дмитрича сохранностью положенной еще соратником С. Разина «приметы» на клад («И жердь, и куга целехоньки, ничуть не загнили, словно со вчерашнего дня в земле» [Железнов, 1861, с. 33]) указывает на бытование подобных представлений среди уральских казаков. Задачи спрятать сокровища как можно глубже также не стояло. Опустить их «на такую глубину, что не дорыться и самому кладозарывателю», вновь лежало на обязанности духа-охранника [Осокин, 1856b, с. 185]. Так, в сказке «Черемисин и клад разбойников», записанной Н.Г. Первухиным в Кестымской волости, герой своими глазами видел, где разбойники зарыли лукошко с деньгами, но пока не выполнил завета, копал в этом месте безрезультатно [1889, с. 46].

Главной прерогативой «кладового» являлось пунктуальное соблюдение оговоренных в заклятии условий. В этом вопросе он, скорее, демонстрировал не самостоятельность, а автоматизм, поскольку не мог произвольно изменить «поручению» открытия» клада, переиначить смысл заклятия. Например, богатства, «завеченные на счастливых», должен был отдать лишь им, не проявляя собственных предпочтений. Однако эта «прямая обязанность кладовых беречь до урочного времени клады, зарытые в земле, и ни под каким видом не давать их вырывать людям прежде, нежели они исполнят условия, предписываемые заветом клада» [Осокин, 1856b, с. 179], достигалась разнообразными способами. Соблюдая их «очередь выйти на свет божий» [Успенский, 1859, с. 36], дух активно использовал прием «уводить клад», отраженный в популярном мотиве провалившихся глубже сокровищ (после безуспешных усилий обнаружить их, достать или поделить). Попытки раскопать клад на кургане у речки Шаквы «кончались всегда неудачно». Жители расположенной по соседству деревни Плехановой относили это к проискам потусторонних сил, которые «отводили» его на другое место [Новокрестьянских, 1901, с. 113].

Эти же силы прибегали к обратным действиям: например, при наступлении, по народному выражению, «благовременья» [Кудрявцев, 1901, с. 242] дух «переменяет постоянное место клада в земле и поднимает его ближе к земной поверхности». В Малмыжском уезде такое поведение объясняли присущими ему человеческими помыслами: «...сам как будто обременяется им, старается его сбросить с рук, или потому, что ему хочется поскорее насладиться зрелищем исполнения слов, предписываемых заветом клада для искателей, или потому, что ему уже наскучивает беречь чужое добро». Чтобы приблизить этот момент, он начинал демонстрировать клад. Собеседник М.И. Осокина уточнял: «Разумеется, что клад, принимающий на себя известный образ — например, хоть образ коровы,— только нам кажется коровою, а на самом деле это деньги, вынутые из клада, которые кладовой показывает людям» [Осокин, 1856b, с. 188]. Следовательно, мифологический персонаж не только сам был оборотнем (невидимкой или принимавшим антропоморфный/зооморфный облик), но и владел способностью превращать во что-либо другое вверенные ему ценности.

«Увод» клада следует признать единственной пассивной уловкой духа. Еще когда тот лежал «в мать-сырой земле тихо и смиренно», он отпугивал и отгонял людей, случайно оказавшихся вблизи или целенаправленно решивших добраться до его «казны». В логу Каронюк у горы Мукобан, где, по слухам, были спрятаны сокровища, седой старик «страшнейшим голосом» пугал заплутавших девушек [Верещагин, 1886, с. 126]. Дорожных рабочих, случайно заночевавших на месте предполагаемого клада в верховьях ручья Язинца у деревни Омутницкой Лудошурской волости, разбудил «страшный рев... громадного существа» [Корабейников, Чураков, 2015, с. 208]. Однако чаще всего звуковое устрашение кладового было представлено в мифологической традиции собачьим лаем. «Лают, так и заливаются...»,— писал М.И. Осокин о впечатлениях мужиков, решивших ночью подойти к месту зарытых сокровищ. Это было верным признаком обнаружения «кладовым» нежелательных посетителей: «пронюхал наше дело... и сторожит свое добро» [Осокин, 1856b, с. 182]. У клада на городище в двух верстах от села Великопольского Яранского уезда жители также слышали лай собак [Спицын, 1887, с. 36]. В этих свидетельствах прослеживаются параллели с упомянутым С.В. Максимовым духом-сторожем «лаюном». Тот «обращается в собачку-лайку при первом покушении на похищение клада» [1995, с. 373]. Правда, на Русском Севере он действовал в паре с сорокой-«щекотухой», о которой в изучаемых районах не упоминается.

Самую активную форму борьбы духа с людьми принимала непосредственно в местоположении клада. Тут он «такие страсти наводил», что даже бывалым мужикам становилось «невтерпез, больно жутко». «Искатели непременно должны пройти чрез все ужасы, которые в изобилии будут расточать кладовой» [Осокин, 1856b, с. 183, 185]. «Мороз дерет по коже!» — делился впечатлениями житель деревни Пьянковки в Пермской губернии [Новокрестьянских, 1901, с. 132].

Преграды же, поставленные духом на пути к сокровищам, напоминали природные катаклизмы. В образе «кладового» явно прослеживалась связь с резкими проявлениями воздушной стихии, в первую очередь с сильным ветром: «Как скоро искатели придут к месту клада,— кладовой пойдет на них по лесу вихрем: крутит и ломает столетние деревья» [Осокин, 1856b, с. 184]. Хотя воздушные потоки могли и не доходить до ураганного уровня. Афанасий Дмитрич вспоминал: «...вырыл яму почитай в грудь. Вдруг поднялся вихрь,— откуда он взялся — богу одному известно!» [Железнов, 1861, с. 19]. В народной метеорологии с вихрем связана семантика кручения, верчения, витья как магических действий, а сам такой ветер квалифицируется в ней как «нечистый и опасный для людей... результат действий и воплощений различных демонов» [Левкиевская, 1995, с. 379].

Порывы ветра дух использовал и для переноса предметов — «бросал» их в пришельцев (или разбрасывал вокруг них). «Вдруг резкий свист раздается по лесу, и все мужики явственно

слышали, как что-то прожужжало над их головами. В наших искателей клада полетели поленья, корокоры, сучья, пни», — таким вот образом с помощью вызванного шквального ветра «кладовой» мог отгонять посторонних [Осокин, 1856b, с. 183]. Д.П. Иртегова из деревни Зырянной Соликамского уезда, бродившего в поисках клада вокруг озера, дух напугал иначе: «вдруг что-то шлепнулось в воду так, что брызги полетели выше леса» [Новокрещенных, 1901, с. 107]. Клагоискатель рисковал получить от действий ветра не только ранение, увечье, испуг, а мог быть им «унесен»: одного из них от клада около деревни Петушковской «невидимою силою перенесло более версты и положило между амбаром и землей, так, что его с трудом вытащили оттуда чуть живым» [Кудрявцев, 1901, с. 249]. Похожим образом кончилась попытка добраться до клада и у Афанасия Дмитрича: «К утру только очнулся. И где же? У Разбойной старицы, батенька, верст за шесть от Пыжкиной луки! Вон где очнулся! А как туда попал? Доднесь, батенька, не знаю. Сам ли взабьтее забежал, или шишиги затащили — хоть убей, не знаю» [Железнов, 1861, с. 19].

Слухи о пещере в горе Чукур Златоустовского уезда подтверждали умение «кладового» управлять ветрами. Когда в нее, «с топором в руках», отправился «самый яростный и безстрашный кладоискатель», «тотчас же» поднялась «страшная буря», сопровождаемая даже землетрясением: «...ему показалось, что застонала и закачалась гора Чукур» [Игнатьев, 1868с, с. 3]. Хотя в геофизической сфере дух чаще прибегал не к проявлению сейсмической активности, а к иной способности: «спускает в земле клады на известную глубину и взнимает оттуда ближе к земной поверхности, как в воздухе, нисколько не стесняясь твердостью земляного грунта». Последним препятствием для пришельцев становился пожар: «тогда кладовой зажигает весь лес — огненные волны с шумом разливаются по нему и охватывают его со всех сторон; вот пламя, перебегая с дерева на дерево, зажигает уж те деревья, под которыми стоят искатели клада» [Осокин, 1856b, с. 185].

Рассказ «завязтого» кладоискателя из деревни Пьянковки о том, как, сидя с товарищами у костра, он «караулил» выход сокровищ, повторяет «в миниатюре» весь арсенал воздействий духа-охранника, подтверждая его стандартность и привычный порядок: сначала акустические проявления, затем бросание предметов, наконец, вихри и пожары. «...В темноте где-то слышались не то глухие крики, не то стоны... Становилось жутко, но мы молчали. Вдруг около нас что-то просвистело, шаркнуло по кустам, а Иван (товарищ) чакнул зубами. — “Трусись? — Какое трусись, никого нет, а кто-то трубку из зубов вышиб — смотри куда улетела!” — а сам и потянулся за ней. Всем сделалось жутко, а тут еще Григорий заревел: “родимая, бать (бает — говорит), мамонька, прости: не видать мне свету белого!” В это время и пошла баталия — со всех сторон полетели в нас камни и в спину и в бока... Все еще мы ничего не видели, но вот какой-то леший схватил горящий из костра пень, да как хватит им ищущего трубку Ивана,— тот так-таки кубарем и скатился в лог. Рубашка на нем загорелась, он ревет, катается по земле, а костер летит во все стороны» [Новокрещенных, 1901, с. 131–132].

Действия «кладового» были прежде всего рассчитаны на человеческую психику: «Вот деревья повалились на смельчаков, и горе, если хоть один из них поддастся обману, оставит свое дело и протянет машинально руки вверх, чтоб поддержать дерево, которое, по-видимому, валится на него, и которое в самом деле стоит на своем месте и падать не думает» [Осокин, 1856b, с. 184]. Проблемы с идентификацией явления (реальность или иллюзия) обескураживали людей, вызывали у них нервное потрясение, по крайней мере наваждения, касались ли они бури, пожара, или разъяренного быка, становились действенным психологическим оружием. «Как только узрел я быка,— вспоминал Афанасий Дмитрич,— так все жилы, все поджилки во мне задрожали, а душа в пятки ушла. Бык только раз рявкнул, как на меня забьтее нашла: что я, где я — ничего не помнил». Этот случай имел для него серьезные и долгосрочные последствия: «И не прошла эта история мне даром. Как пришел домой, так и слег в постелю. Шесть недель пролежал, бредил, ахиною нес: все бык представлялся. Кое-как, за родительские молитвы, окалямался» [Железнов, 1861, с. 19]. После получения во сне предостережения духа не нарушать условий поиска на соседней усадьбе котелка с деньгами, две недели лихорадило жителя деревни Каквы Ивана [Верещагин, 1886, с. 116]. Посттравматический синдром следует признать типичным итогом встречи с неведомым при поисках кладов. «Сох, сох мужик, да и зачах с горя», — оканчивалось повествование об одной из них [Кудрявцев, 1901, с. 252]. Здесь можно уловить связь с вихрем, который в народной этиологии считался причиной многих именно психических заболеваний [Левкиевская, 1995, с. 380].

Иногда сторож клада вместо сильнодействующих эффектов прибегал к созданию неразрешимых задач. У починка Лудошур подобраться к бочке с сокровищами мешал привалившийся к ней спиной труп. По слухам, нужно было скатить бочку с места так, чтобы не уронить это мертвое тело, если же оно «упадет, то тот, кто скатит бочку,— умрет» [Верещагин, 1886, с. 117].

Когда пункты заклѣтия последовательно и полностью выполнялись, то они дезавуировали «кладового» и параллельно открывали путь к сокровищам. «Знай работай, бык сам пропадет в тот момент, как дотронешься до клада», — наставлял Афанасия Дмитрича его опытный товарищ. В другом его рассказе после исполнения казаком всех указаний хозяина спрятанных денег стороживший их волк «в туж минуту» «провалился сквозь землю» [Железнов, 1861, с. 18, 28]. Однако исчезновение духа могли застопорить имеющиеся в завете распоряжения о судьбе сокровищ после того, как они «дались» кладоискателю. Гарантом их исполнения (как и всего заклѣтия), естественно, продолжал оставаться дух: «Не только добывание кладов, но и самый расход драгоценностей, доставшихся кому-нибудь в руки, обуславливается известными заветами. Например, счастливым удалось достать клад; но, получив его, они выслушивают приказание кладового держать деньги этого клада на покупку вина и больше ни на что» [Осокин, 1856b, с. 184]. Согласно Н.Я. Аристову, некоторые клады можно было «употреблять только на покупку водки» [1867, с. 727]. Постфактум могло выясниться, что полученную «казну» следовало «держать только либо на погань табачную... либо на что-нибудь на этакое» [Осокин, 1856b, с. 184]. «Из ненависти к роду человеческому» такая каверза замышлялась уже на этапе заклѣтия, суля искателям сокровищ незавидные перспективы: «иль-бо умрет в одно-час, иль-бо с кругу сопьется, иль-бо в напасть попадет какою» [Железнов, 1861, с. 20]. Распорядиться находкой по-своему, пустить ее «в дело» не получалось: ослушников запрета «заломает кладовой». Он к этому моменту менял тактику: переходя от стихийных катаклизмов к насыланию болезней, «...беспощадно коверкает, гнет и корчит нарушителя завета». Ответ перед ним приходилось держать, если содержимым клада удавалось овладеть частично. В этом случае дух не только запрещал расходовать полученные средства, но и требовал приплачивать за них каждый год по пятаку серебра, в противном случае корчил человека, хранившего «у себя неотговоренные деньги» [Осокин, 1856b, с. 184–185].

Заклѣчение

Обращение к уральским материалам свидетельствует, что представления о «хозяевах»/хранителях кладов получили распространение по периферии горнозаводских (или горных) районов, а не в них самих (за исключением Златоустовского уезда Уфимской губернии и расположенной там же горы Чукур). Это указывает на правомерность проведения исследования в рамках всего уральского макрорегиона и поднимает вопрос о пространственных различиях в формировании взглядов на «кладовых» и горных духов, а также очерчивает границы локальных традиций, из которых при создании образов последних могли происходить разнообразные заимствования. В этих местностях проживали разные народы, имелись различия в верованиях, хозяйственной жизни и историко-культурных связях. Вариативность различных традиций, несомненно, влияла на формирование представлений о духах, связанных с кладом, однако точно установить «реципиента», а также степень и характер его воздействия не во всех случаях возможно.

Хотя очевидно, что процесс персонификации «хозяина»/охранителя кладов наибольший эффект имел к середине XIX в. в Малмыжском уезде Вятской губернии. По аналогии с названиями других «хозяев» (в случае с домовым буквальным — с помощью суффикса «ов» и окончания «ой») «хозяин»/сторож клада обзавелся мифонимом — «кладовой» и внешним видом (мужского пола, в богатой одежде). Этот мифоним встречался в других местах губернии: в схожем значении («хранитель клада... существо страшное») он упоминается жителями села Спасо-Подчуршинского Слободского уезда, более того, здесь он слился с именем одного из богатырей (которого тоже звали «Кладовой»), основавших местное городище, оставивших на нем клад со «страшным заветом». Однако сведений о проявлении его охранительных функций по отношению к кладоискателям археолог А.А. Спицын не привел [1881, с. 35]. С учетом наблюдения С.В. Максимова о бытовании данной номинации на севере России, «кладовой» получает неплохие шансы заменить в научной литературе громоздкое выражение «“хозяин”/охранник клада».

Удмурты Сосновского края, не выделяя духа особым наименованием, к средствам создания его образа добавляли возраст (седой старик). Единственной фигурой с собственным именем (при этом женской) оказалась княгиня/царица Анна. Персонаж выделялся также своим высоким социальным статусом и четкой этнической привязкой (с намеком на «первопредков» — древних аборигенных насельников края). Свообразными были и методы воздействия этого персонажа на кладоискателей (явление только во сне, использование для этого женской части населения), отличившие его от других подобных мифологических существ. Последних население определяло не столько по имени и внешности (представленных в его воззрениях фрагментарно), сколько по довольно полно проработанным (даже унифицированным) функциям и способностям.

Хранитель клада («кладовой») как мифологический персонаж...

«Кладовые» были обязаны обеспечить сохранность вверенных им ценностей, проконтролировать неукоснительное исполнение волеизъявления человека, произнесшего над ними заклятие, пугать, преследовать, изгонять кладоискателей, используя при этом свой внешний вид и звуковые проявления («страшный» голос, собачий лай). Традиция однозначно свидетельствует, что приоритетным для «кладового» являлось заклятие, однако конкретные способы добиться соблюдения произнесенных слов предоставлялись на его усмотрение. Исполнять обязанности духу помогали следующие способности: быть оборотнем (превратиться в невидимку или принять антропоморфную/зооморфную ипостась) и самому оборачивать. Присущие ему зооморфные метаморфозы — хищник, либо разъяренный крупный зверь, либо хтоническое существо с явно агрессивными намерениями. Также он мог создавать иллюзорные образы (вплоть до бурелома, пожара и т.п.), перемещать предметы (в любых направлениях) по воздуху, земле и в твердом грунте под землей, вызывать стихии (ветер, вихрь) и стихийные бедствия (буря, землетрясение, пожар), насылать болезни, приводить к травмам и смерти человека.

По нашему мнению, представления об этом мифологическом персонаже могли влиять на таковые же относительно духов уральских недр (помимо собственно функции хранителя укрытого под землей богатства) в ряде вопросов: внешний вид (богатые, сверкающие одеяния), звуковые проявления, способность к оборотничеству (превращение в невидимку, принятие антропоморфного, зооморфного (особенно змеиноного) вида), умение свободно преодолевать толщу земли и ориентироваться в ней, перемещать в ней земельные богатства, пугать, преследовать, изгонять, травмировать и умерщвлять рудознатцев, рудокопов и горняков [Голикова, 2006, с. 238–243]. Главным же отличием горных духов является их свобода от заклятия, которым у «кладового» определялись сами границы «жизнедеятельности»: с произнесением заклятия он появлялся, а с исполнением — исчезал. Разница наблюдается также в размере подконтрольной территории (клад по сравнению с горами и горнодобывающими районами занимал чрезвычайно малое (точечное) положение), набором подвластных стихий и стихийных бедствий (у «кладовых» он больше) и способностью последних создавать различные иллюзии.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИИФ УрО РАН; тема «Модернизационные трансформации России Нового и Новейшего времени: общестрановые тенденции и региональная специфика», рег. номер 124032100050-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки ИРГО по отд-нию этнографии. СПб.: Тип. Куколь-Яснопольского, 1867. Т. 1. С. 707–739.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Тип. Грачева и Ко, 1868. Т. 2. 784 с.
- Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края. Записки ИРГО по отд-нию этнографии. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1886. Т. XIV. Вып. 2. 219 с.
- Виноградова Н.Л.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- Власова М.Н.* Русские суеверия. СПб.: Азбука, 2000. 669 с.
- Гельгард Р.Р.* Фантастические образы горняцких сказок и легенд: (К типологической характеристике старого рабочего фольклора) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. VI. С. 193–226.
- Голикова С.В.* «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII — начала XX века. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 284 с.
- Глушков И.Е.* Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Котельнич: Вятский региональный центр русской культуры, 1999. 65 с.
- Даль И.В.* О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольф, 1880. 148 с.
- Железнов И.И.* Сказания уральских казаков // Библиотека для чтения. 1861. Т. 163. № 2. С. 1–33.
- Забылин М.М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. книгопродавца М. Березина. 1880. 622 с.
- Игнатъев Р.Г.* Памятники древности при селе Таловском Челябинского уезда // Оренб. губ. ведомости. 1868а. № 7. С. 3.
- Игнатъев Р.Г.* Чортово городище // Древности. Труды Московского археологического общества. М.: Синодальная типография, 1868b. Т. II. С. 47–53.
- Игнатъев Р.Г.* Чудские городища в Златоустовском уезде // Уфим. губ. ведомости. 1868с. № 46. С. 3.
- Корабейников А.В., Чураков В.С.* «Беллетристическая» статья Н.Г. Первухина // Иднакар. 2015. № 3 (28). С. 157–222.
- Котельникова Н.Е.* Кто охраняет клады? // Традиционная культура. 2009. № 2. С. 97–103.
- Криничная Н.А.* Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» // СЭ. 1977. № 4. С. 105–111.
- Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. Л.: Наука, 1991. 328 с.
- Кудрявцев В.Ф.* Старина, памятники, придания и легенды Прикамского края // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. Вятка: Губ. типография, 1900. С. 221–272.

- Левкиевская Е.Е.* Вихрь // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 379–382.
- Левкиевская Е.Е.* Духи локусов // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2. С. 155–157.
- Левкиевская Е.Е.* Клад // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2. С. 500–502.
- Максимов С.В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 672 с.
- Новокрещенных Н.Н.* Археологические исследования в западной части Пермской губернии: (Дневник раскопок и разведок) // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь: Типо-литография губ. правления, 1901. Вып. IV. С. 107–141.
- Осокин М.И.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856а. № 11. С. 1–40.
- Осокин М.И.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856б. № 12. С. 179–214.
- Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998. 305 с.
- Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда, Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. СПб.: Тип. М.Г. Волчаниновой, 1896. Вып. 2. С. 13–127.
- Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка: Губ. типография, 1889. Вып. IV. 84 с.
- Соколова В.К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Сочинения В.И. Даля.* Повести и рассказы. СПб.; М.: Издание М.О. Вольф, 1884. Т. VII. 356 с.
- Спицын А.А.* Каталог древностей Вятского края // Памятная книжка и адрес-календарь на 1882 год. Вятка: Тип. губ. правления, 1881. Отд. 2. С. 25–90.
- Спицын А.А.* Новые сведения по доисторической археологии Вятского края. Вятка: Губ. типография, 1887. 59 с.
- Успенский Т.И.* Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1859. Кн. I. С. 1–41.
- Якушкин П.И.* Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоярхангельском уезде // Москвитянин. 1844. № 12. С. 25–41.

Golikova S.V.

Institute of History and Archaeology UB RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation
E-mail: avokilog@mail.ru

**The treasure guardian (“kladovoy”) as a mythological character:
evidence from the Ural regional tradition of the mid-19th — early 20th century**

The article examines the local perceptions of the *kladovoy* — a spirit regarded as the owner or guardian of hidden treasures — within the Ural macroregion, encompassing the historical governorates of Perm, Orenburg, Ufa, and Vyatka. The analysis draws on ethnographic descriptions, notes, scholarly studies, ethnographic fiction, and pre-Soviet archaeological materials. The conceptual framework for analysing the *kladovoy* is based on the descriptive scheme for mythological characters proposed by L.N. Vinogradova. Interest in such entities within Russian mythological studies emerged in the 1840s, leading scholars to recognize them as an independent mythological character. For the regional system of lower mythology in the Urals, the *kladovoy* holds particular significance due to its association with beliefs about mountain spirits. As expected, the figure was better represented at the periphery of mining zones. The most fully developed representation of the *kladovoy* emerged by the mid-19th century in Malmzyh County (Vyatka Governorate), where the owner or guardian of treasures acquired both the mythonym *kladovoy* and a distinct visual identity. In other regions, while the spirit's name and physical appearance were only fragmentarily documented, its typical functions and abilities remained consistent. Key functions of the *kladovoy* included ensuring the preservation of the treasure, controlling the execution of the spell, frightening, pursuing, or expelling treasure hunters. Supernatural abilities attributed to the spirit encompassed shapeshifting (including invisibility or assuming anthropomorphic or zoomorphic forms), the creation of illusory phenomena (such as fallen trees or fires), the manipulation of objects across air, earth, and solid ground in any direction, the induction of natural phenomena (wind, whirlwind) and disasters (storm, earthquake, fire), and the infliction of diseases, injuries, or even death.

Keywords: lower demonology, mythological character, treasure guardian (“kladovoy”), Ural macroregion.

REFERENCES

- Afanas'ev, A.N. (1868). *Poetic Views of the Slavs on Nature. Vol. 2.* Moscow: Tip. Gracheva i Ko. (Рус.).
- Aristov, N.Ja. (1867). Legends about Hidden Treasures. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniju jetnografii. Vol. 1.* St. Petersburg: Tip. Kukol'-Jasnopol'skogo, 707–739. (Рус.).
- Daľ, V.I. (1880). *About the beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people.* St. Petersburg; Moscow: Izdanie M.O. Volf. (Рус.).
- Gel'gard, R.R. (1961). Fantastic images of mining tales and legends (to the typological characteristics of the old working folklore. In: *Russkij fol'klor. Materialy i issledovanija. Vol. VI.* Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 193–226. (Рус.).

- Golikova S.V. (2006). People at the Plants: Everyday Culture of the Ural Mining Population in the Eighteenth — Beginning of the Twentieth Century. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. (Rus.).
- Glushkov, I.E. (1999). *Topographic-Statistical and Ethnographic Description of the Town of Kotelnich*. Kotelnich: Vjatskij regional'nyj Centr russkoj kul'tury. (Rus.).
- Ignat'ev, R.G. (1868a). Ancient monuments near the village of Talovskoye, Chelyabinsk district. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, (7). (Rus.).
- Ignat'ev, R.G. (1868b). Devil's Settlement. In: *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshhestva, Vol. II*. Moscow: Sinodal'naja tipografija, 47–53. (Rus.).
- Ignat'ev, R.G. (1868c). Chud' fortified settlements in Zlatoust district. *Ufimskie gubernskie vedomosti*, (46). (Rus.).
- Jakushkin, P.I. (1844). Folk tales about treasures, robbers, sorcerers and their actions, recorded in the Maloarkhangel'sk district. *Moskvitjanin*, (12), 25–41. (Rus.).
- Korabejnikov, A.V., Churakov, V.S. (2015). "Fictional" article by N.G. Pervukhin. *Idnakar*, 28(3), 157–222. (Rus.).
- Kotel'nikova, N.E. (2009). Who guards treasure. *Tradicionnaja kul'tura*, (2), 97–103. (Rus.).
- Krinichnaja, N.A. (1977). Historical and ethnographic foundation of legends about "charmed hoards". *Sovetskaja jetnografija*, (4), 105–111. (Rus.).
- Krinichnaja, N.A. (1991). *The Legends of the Russian North*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Kudrjavcev, V.F. (1900). Antiquity, monuments, legends of the Kama region (essay). In: *Pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii i kalendar' na 1901 god*. Vjatka: Gubernskaja tipografija, 221–272. (Rus.).
- Levkievskaja, E.E. (1995). A Vortex. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar'. Vol. 1*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 379–382. (Rus.).
- Levkievskaja, E.E. (1999a). Local spirits. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar', Vol. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 155–157. (Rus.).
- Levkievskaja, E.E. (1999b). Treasure. In: *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar'. Vol. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 500–502. (Rus.).
- Maksimov, S.V. (1995). *Evil, unknown and power of the cross*. Smolensk: Rusich. (Rus.).
- Novokreshennyh, N.N. (1901). Archaeological research in the western part of Perm province: (Diary of excavations and explorations). In: *Trudy Permskoj uchenoj arhivnoj komissii. Vol. IV*. Perm': Tipoligrafija gubern'skogo pravlenija, 107–141. (Rus.).
- Osokin, M.I. (1856a). Folk life in north-eastern Russia: Notes on the Malmyzh district (in the Vyatka Governorate). *Sovremennik*, (11), 1–40. (Rus.).
- Osokin, M.I. (1856b). Folk life in north-eastern Russia: notes on the Malmyzh district (in the Vyatka Governorate). *Sovremennik*, (12), 179–214. (Rus.).
- Panchenko, A.A. (1998). *Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia*. St. Petersburg: Aleteeya. (Rus.).
- Pervuhin, N.G. (1896a). The experience of archeological research of the Glazovsky uezd of the Vyatka Governorate. In: *Materialy po arheologii vostochnyh gubernij Rossii. Vol. 2*. St. Petersburg: Tip. M.G. Volchaninovej, 13–127. (Rus.).
- Pervuhin, N.G. (1889). *Sketches of folk legends and life of the non-Russians living in the Glazovsky uyezd. Traces of pagan antiquity in the Votyak folk poetry. Vol. IV*. Vjatka: Gubernskaja tipografija. (Rus.).
- Sokolova, V.K. (1970). *Russian historical legends*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Spicyn, A.A. (1881). Catalog of the Vyatka region. In: *Pamjatnaja knizhka i adres-kalendar' na 1882 god. Vol. 2*. Vjatka: Tipografija gubern'skogo pravlenija, 25–90. (Rus.).
- Spicyn, A.A. (1887). *New information on prehistoric archeology of the Vyatka region*. Vjatka: Gubernskaja tipografija. (Rus.).
- Uspenskij, T.I. (1859). Essay on the southwestern half of Shadrinsk district. In: *Permskij sbornik. Vol. I*. Moscow: Tip. Lazarevskogo instituta vostochnyh jazykov, 1–41. (Rus.).
- Vereshhagin, G.E. (1886). *Votyaks of Sosnovskij Territory*. St. Petersburg: Tip. M-va vnutrennih del. (Rus.).
- Vinogradova, L.N. (2000). *Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Vlasova, M.N. (2000). *Russian Superstitions*. St. Petersburg: Azbuka. (Rus.).
- Zabylin, M.M. (1880). *Russian people, their customs, rites, traditions, superstitions and poetry*. Moscow: Izdanie knigoprodavca M. Berezina. (Rus.).
- Zheleznov, I.I. (1861). Tales of the Ural Cossacks. *Biblioteka dlja chtenija*, (2), 1–33. (Rus.).

Голикова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-8272-4763>

Сведения об авторе: Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

About the author: Golikova, S.V., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology UB RAS, Yekaterinburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Received 14.08.2025

Accepted 18.12.2025

Article is published: 15.03.2026